

Традиционно считается, что грамматика занимается правилами, которые определяют морфологическую, синтаксическую, семантическую структуру и их взаимодействие. Однако коммуникативная ориентированность лингвистики на нынешнем этапе ее развития и понимание речевой деятельности как одного из видов творческой деятельности человека в значительной степени расширили толкование грамматики. В свете коммуникативно-деятельностной концепции языка грамматика трактуется как «свод правил, касающихся организации речевого акта, правильности, нормы и ее колебаний, механизма речетворческого процесса и других явлений языка в их статике и динамике»¹, т. е. с учетом факторов коммуникативного характера. Эти факторы, стоящие в центре внимания лингвистических исследований последних лет, нашли отражение в изучении коммуникативно-языковой нормы². Языковая норма отражает единство объективного и субъективного в языке, воплощенное, с одной стороны, в функционировании языка, а с другой — отражающее оценочный характер, т. е. аксиологический аспект. Трактовка нормы как коммуникативно-языковой подвела итог многочисленным исследованиям в этой области, в которых объект рассматривался как широкая категория («норма системы») и как категория узкая («норма типа текста», «ситуативная норма», «норма употребления»), вырастающая на базе взаимодействия грамматических элементов в самом тексте.

Тесная взаимосвязь грамматики и грамматической нормы с теорией коммуникации, зависимость грамматического оформления языковой ситуации от коммуникативно-прагматических задач, предъявляемых к ней, говорит в пользу «нормы единой, но не единственной»³. Языковая норма, названная пражскими лингвистами «гибкой стабильностью», способна к самой широкой вариативности, которая, однако, не противоречит тезису о ее единстве и стандартности. Еще В. В. Виноградовым были отмечены объективно заложенные в норме две противоборствующие тенденции к устойчивости и подвижности, основанные на динамике языкового развития, с одной стороны, и на устойчивости языковой структуры, с другой⁴. В свете теории коммуникации две эти тенденции обретают свое реальное воплощение в виде множественности единой грамматической нормы, обусловленной коммуникативно-прагматическими требованиями.

Расширенное понимание грамматики дает основание и грамматическую норму трактовать шире, нежели просто правильное стандартное формообразование. Коммуникативный аспект, т. е. те закономерности, которые касаются вопросов, как, где, когда, с кем протекает акт коммуникации, втягивает в сферу нормативности, помимо правильного формообразования, и семантику

грамматической формы, и вопросы употребления, допустимости, функциональной оправданности, уместности тех или иных грамматических средств в определенной коммуникативной ситуации, в конкретном типе текста.

Столь широкая сфера функционирования грамматической нормы создает благоприятные условия для проявления ее гибкости, вариативности, множественности, для «неодинаковой крепости нормы»⁵, различной степени жесткости.

Наибольшей прескриптивной силой грамматическая норма обладает в образовании грамматических форм; возможность вариативности ограничена здесь категориальной природой грамматических средств. Но даже и по линии формообразования грамматическая норма не абсолютно жесткая. Как известно, система языка располагает нормативными морфологическими вариантами, связанными с различными формами существования языка (территориальные, национальные варианты), профессиональной дифференциацией (профессиональные варианты), рассмотрением функционирования языка в синхронии и диахронии (хронологические варианты) —

Для всех перечисленных нормативных грамматических вариантов характерна закреплённость за определенной речевой сферой, функциональным стилем, жанром или даже типом текста; их стилистическая маркированность не только проявляется в тексте, но и задается самим текстом. В качестве примера можно привести ряд существительных, грамматический род которых колеблется в зависимости от нейтрального или профессионального употребления: *das Erbteil, der Extrakt, der Filter, die Drohne, der Virus* (нейтральн.), *der Erbteil* (юридич.), *das Extrakt* (фармацевт.), *das Filter* (технич.), *der Drohn* (пчеловод.), *das Virus* (медиц.).

Примером профессионального употребления грамматических средств может служить язык спорта, для которого чрезвычайно характерно явление транзитивации непереходных глаголов: *die beste Zeit laufen* (schwimmen, fliegen, fahren); *das Spiel anpfeifen* (abpfeifen); *einen Sprung stehen*; *den Weltrekord springen*; *Lehmann/Weise haben am ersten Tag mit 55,87s einen neuen Bahnrekord gefahren*⁶. Подобное употребление непереходных глаголов стало своеобразной нормой, продиктованной необходимостью создания наивысшей компрессии информации, произошла полная узуализация данных конструкций, не вызывающих ощущения ненормативности или нарушения автоматизма восприятия.

Хронологические варианты широко используются в сфере художественной коммуникации. Их появление продиктовано, как правило, задачами эстетического характера для придания высказыванию особой торжественности, приподнятости, поэтичности, для намеренного архаизирования речи. Например: *Uralter Worte kundig kommt die Nacht/ Sie löst den Dingen Rüstung*

ab und Bande/ Sie wechselt die Gestalten und Gewande/ Und hüllt den Streit in gleiche braune Tracht⁷.

Вариативность морфологических форм не отличается особой широтой, так как основные нормативные варианты сводятся к расхождениям дистрибуционного характера. Выделяются особенности в оформлении показателей грамматического рода, множественного числа существительных, форм изменения по падежам, в распределении существительных по парадигмам склонения, а также некоторые особенности в употреблении форм глаголов, наклонений, предлогов и т. п. Большинство же грамматических форм представлено инвариантом.

Грамматическая норма, регулирующая семантику грамматической формы, менее категорична по сравнению с нормой формообразования, ее вариабельность значительно шире. Это связано с тем, что регулирование семантики в большей степени опирается на оценочную, селективную, чем на объективную сторону нормы — коррелирует системы языка. Проиллюстрируем вариабельность грамматической нормы, регулирующей семантику грамматических форм, на своеобразии употребления артикля в некоторых типах текста. Грамматическая норма допускает отклонение от установившегося распределения ролей между определенным и неопределенным артиклем в выражении отношения определенности/неопределенности. Так, например, в басне при генерализирующей или в малой степени индивидуализирующей функции артикля происходит нейтрализация оппозиции определенности/неопределенности. При первом упоминании существительное употребляется с определенным артиклем: ... so prahlte der Affe gegen den Fuchs; Der Esel sprach zu dem Asophus...; Der Wolf lag in den letzten Zügen...; Einst sprach der Pfau zu der Henne...⁸.

Анафорическая функция определенного артикля в басне заключается в том, что он отсылает читателя к той предынформации, которой басня не содержит, но которая заключена в знаниях и опыте самого читателя. В басне, как правило, фигурируют образы, за которыми закрепились конкретные характеристики: лиса олицетворяет хитрость, осел — глупость, волк — жадность. А. А. Потехня сравнивает действующих лиц басни с шахматными фигурами, которые имеют определенный ход, а правила игры знает каждый⁹. Определенный артикль в таком употреблении указывает либо на собирательность образов, либо представляет их как имена собственные.

Иными причинами объясняются особенности употребления артикля в газетном заголовке. Например: UdSSR ist bereit zu Verhandlungen; Kurzfilmfestival wurde in Tampere eröffnet; DDR gab Beispiel des Handelns für Frieden; Sturz Pinochets ist dringliche Aufgabe¹⁰. Как известно, стремление к краткости высказывания при максимальной информативности является общей тенденцией языка прессы. В этом плане газетные заго-

ловки обладают определенным грамматическим и стилистическим своеобразием. В целях сжатости и краткости заглавия артикль опускается, что создает возможность экономии языковых средств, в самой статье функции артикля восстанавливаются.

Грамматическая норма регулирует также семантику временных глагольных форм и их распределение по различным речевым жанрам. Газетно-публицистический жанр (спортивные новости, например) представлен только одним функционально-смысловым типом речи — повествованием, и это дает возможность утверждать, что в данном жанре преобладает план «рассказываемого мира» и в нем господствуют глагольные формы II временной группы — претерит и плюсквамперфект. Единственный функционально-смысловой тип речи в сообщении о погоде — описание, в нем господствующее положение занимает план «обсуждаемого мира», поэтому он представлен формами презенса, футурума I и контактирующего с презенсом перфекта.

Другим примером такого же характера может служить регулирование нормой значения степеней сравнения прилагательных. Так, в рекламном объявлении доминирующим способом представления товара является не превосходная степень, как этого следовало бы ожидать, а сравнительная. Рекламное объявление, как правило, строится по модели «N schmeckt, wäscht, sitzt usw. besser», а не «N schmeckt, wäscht, sitzt usw. am besten». Форма превосходной степени для рекламы неуместна, ибо явная попытка убедить покупателя в превосходстве одного товара над другим порождает у него критическое настроение, сомнение в истинности рекламы¹¹.

Значение грамматической формы имеет важное значение для структуры высказывания. Например, инфинитив приказа уместен в команде, но неприемлем в официально-деловом общении; одни сферы коммуникации тяготеют к пассиву, другие — нет и т. п. Регулируя это значение, грамматическая норма весьма существенно варьируется в соответствии с коммуникативными требованиями и при этом опирается как на наличие вариантов в системе языка, так и на изменчивость лингвистических единиц в процессе общения.

Самой высокой степенью variability обладает коммуникативно-прагматическая грамматическая норма, регулирующая употребление, допустимость, уместность, функциональную оправданность определенных грамматических средств в конкретной языковой ситуации. Она включает в себя правила отбора языковых средств и построения речевого высказывания в разных ситуациях общения с разной коммуникативной интенцией. Такая коммуникативно-прагматическая норма выдвигает на первый план проблему выбора, интуитивного или осознанного осмысления, что для данной ситуации является более или менее предпочтительным, образцовым или необразцовым, обя-

зательным или необязательным. Источник множественности этой нормы — обилие коммуникативных ситуаций, поэтому варьирование коммуникативно-прагматической нормы практически неограничено.

Например, текст дипломатического документа характеризуется специфическим грамматическим и стилистическим строем с учетом отличительных черт языковой коммуникации в сфере дипломатии: исключительной продуманностью, высокой степенью осознанности, применением стратегии коммуникации, выбором адресантом кодовых средств для передачи информации и достижения желаемого эффекта воздействия. Эти жесткие требования коммуникативного характера реализуются в своеобразных протокольных формулах, ставших неотъемлемым компонентом любого дипломатического документа и позволяющих безошибочно отличить их от любого другого типа текста. Протокольные формулы — основные средства в рамках дипломатического подстиля, манифестирующие такую стилевую черту, как дипломатическая вежливость. Примером таких формул может служить модель начальной протокольной формулы в текстах личной ноты *sich beehren/die Ehre haben*, 1. Pers. Sg./3. Pers. Sg. + zu + Infinitiv: *Ich beehre mich, auf Ihre Note vom heutigen Tag Bezug zu nehmen; Der Botschafter hat die Ehre, dem Herrn Außenminister... mitzuteilen...* Грамматика дипломатического документа показательна для иллюстрации теснейшего взаимодействия факторов лингвистического и нелингвистического характера, так как трудно представить какой-либо другой официальный документ, составление которого требовало бы столь глубокого знания речевого этикета и умения неукоснительно следовать ему.

Примером своеобразия грамматического оформления может служить и лингвистическая реализация полемики в прессе. Помимо информативно-содержательной функции, в полемике особо выделяется установка на убеждение, побуждение к действию. Лингвистические средства должны выбираться не только с целью правильного, точного и яркого обозначения предметов и явлений анализируемой действительности (семантический аспект), они должны одновременно оказывать воздействие на читателя, вызывать определенные мысли и чувства, делать единомышленником полемиста (прагматический аспект). Совершенно особый коммуникативный фактор, характерный только для полемики, — идейный противник, поэтому стратегия текста направлена на борьбу, на выяснение истины через столкновение мнений. Прагматический потенциал высказывания увеличивается за счет выбора конкретных синтаксических конструкций. Так, для передачи высказываний противника употребляется конъюнктив косвенной речи (для передачи общеизвестных истин и утверждений, с которыми полемист согласен, обычно используется индикатив). Широкое употребление пассива в полемике

мотивируется необходимостью нередко вести «безадресную» борьбу, не указывая носителя противоположного мнения или подчеркивая его обобщенный характер. Для усиления действенности полемики используются условные предложения (обычно в доказательствах от противного). Такой ход рассуждений дает возможность полемисту опереться на жизненный опыт читателя и подвести его к полному опровержению условно принимаемой точки зрения противника: In den meisten Verfassungen der kapitalistischen Länder steht wörtlich oder sinngemäß geschrieben, daß alle Macht vom Volke ausgeht. Aber, wenn dem so ist, fragen sich gewiß mehr als 30 Millionen Amerikaner, die unter der Armutgrenze leben, wie ist es dann möglich, daß die einen immer reicher werden und die anderen... Warum dann die himmelschreiende Ungerechtigkeit? Oder warum dann die Absurdität?¹²

Таким образом, коммуникативно-прагматическая специфика текста определяет набор конкретных грамматических средств, релевантных с точки зрения конституирования типа текста и составляющих его коммуникативно-прагматическую норму. Многообразие коммуникативных ситуаций, реализованных в различных типах текста, порождает множественность грамматической нормы, представленную вариативностью образования грамматических форм, их значений и употребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 10.

² Fleischer W., Hartung W., Suchsland P. Sprachlich-kommunikative Normen//Deutsche Sprache: Kleine Enzyklopädie. Leipzig, 1983.

³ Гельгардт Р. Р. О языковой норме//Вопросы культуры речи. М., 1961. С. 35.

⁴ Виноградов В. В. Проблемы культуры и речи и некоторые задачи русского языкознания//Вопр. языкозн. 1964. № 3. С. 136.

⁵ Виноградов В. В. Изучение русского литературного языка за последние десятилетия в СССР. М., 1955. С. 57.

⁶ Neues Deutschland. 1982. 14.01. S. 8.

⁷ Huck R. Liebesgedichte. Leipzig, 1917. S. 61.

⁸ Lessing G. E. Ausgewählte Werke. Berlin, 1958. S. 131, 133.

⁹ Потебня А. А. Из лекции по теории словесности. Харьков, 1930. С. 27.

¹⁰ Neues Deutschland. 1983. 06.09.

¹¹ Пулатова Г. Д. Грамматическая доминанта типа текста и ее использование в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. С. 9.

¹² Berliner Zeitung. 1976. 24/25. 07.